

Марко Вовчок

Тюлевая баба

Марко Вовчок

Тюлевая баба

«Public Domain»

1861

Вовчок М.

Тюлевая баба / М. Вовчок — «Public Domain», 1861

«Анна Федоровна Журбовская была отличная хозяйка. Просто она чудеса показывала. Например, она делала один крем полосатый, разноцветный, всем на зависть и удивленье. Как уж ни хотели прочие хозяйки дойти до этого крема, – никто не дошел. Верьте не верьте, а одна барыня (и богатая барыня) хотела сына женить на дочери Анны Федоровны, чтобы только выведать тайну. Да Анна Федоровна всегда с этими вещами настороже, а барыня была нетерпелива, поспешила, проговорила. Анна Федоровна дочери не отдала и секрета не открыла...»

Марко Вовчок

Тюлевая баба

Анна Федоровна Журбовская была отличная хозяйка. Просто она чудеса показывала. Например, она делала один крем полосатый, разноцветный, всем на зависть и удивление. Как уж ни хотели прочие хозяйки дойти до этого крема, – никто не дошел. Верьте не верьте, а одна барыня (и богатая барыня) хотела сына женить на дочери Анны Федоровны, чтобы только выведать тайну. Да Анна Федоровна всегда с этими вещами настороже, а барыня была нетерпелива, поспешила, проговорила. Анна Федоровна дочери не отдала и секрета не открыла.

Ни у кого таких не бывало обедов, ни у кого таких именинных пирогов, как у Анны Федоровны. Кто не помнит, когда ее дочери исполнилось 18 лет, праздновали рождение и испекли пирог... Как подали этот пирог, так некоторые даже испугались. Один гость (любитель, знаток) встал и сказал, сложивши на груди руки: «Что же это вы такое с нами делаете, Анна Федоровна? Гляжу, несут на блюде... я думал, что генеральского сына несут...»

Но самое-то главное дело рук Анны Федоровны – это были бабы... Если бы кто знал, какие это были бабы!

Анна Федоровна была набожная старушка, со всеми обходительная и ласковая. Смех у нее был приятный, немножечко с дребезжаньем, глаза добрые, носик кругленький, а ростом маленькая. Анна Федоровна давно овдовела. Дочь свою она выдала за советника в губернию, и дочь умерла в первый год замужества; и зять умер вскоре за нею; осталось дитя, девочка. Анна Федоровна взяла ее к себе. Внучка была хорошенькая барышня; добрая, злая ли, – еще того никто не знал, ей всего шел десятый годок: так еще была попрыгушка.

Очень убивалась Анна Федоровна по дочери, очень тужила, пока время взяло свое. Отгоревавши, Анна Федоровна жила счастливо и спокойно. Ее уважали и почитали. Дом у нее был полная чаша. В комнатах столько шкафов, комодов, сундуков, что уму было непостижимо, что там хранилось, чем наполнялось! Ключей-ключей! Словно от десяти городов. Кто, бывало, ни приедет, так в этот дом равнодушно не войдет; или улыбнется, или вздохнет. Бывало, приедет батюшка, так все говорит: «Это вам, Анна Федоровна, за ваше благочестие. У вас земля обетованная; какие поля урожайные, сады плодovитые, огороды тучные!»

У Анны Федоровны был племянник, молодой, красивый и богатый помещик. Все приезжал на разных лошадях. То приедет на серых, то на гнедых или на вороных; были у него даже пегие лошади. Звали этого племянника Алексей Петрович, и жил он от Анны Федоровны близко, – всего в двух верстах было его имение Саковка. Родителей его не было в живых, ни сестер, ни братьев, жил один и часто ездил к Анне Федоровне. Приедет, сколько варенья съест, бывало, сколько пастилы! С барышней играет в жмурки, наряжается в Анны Федоровнин чепчик и в шаль, поет, проказничает, – всегда его жалко отпустить домой.

Но он только между своими бывал резв, а чуть чужой человек, он сейчас оробеет. Как ни отлично одет, а все себя оглядывает да краснеет. Очень любил он гостей, пиры, а знакомиться ему было все равно, что в полночь на кладбище идти. Признавался, бывало, Анне Федоровне: «Душа не на месте, тетенька, пока войдешь, раскланяешься, разговоришься! Ни пить, ни есть ничего не хочется; ничего, кажется, не удивит, не испугает, хоть дом обрушья!»

Анна Федоровна обнадеживала его: не беспокойся, мол, это от молодости, это пройдет.

– Тогда, тетенька, я буду счастливейший человек. Возмужал Алексей Петрович, глядит Анна Федоровна, – усы отпустил.

– Зачем это ты усы отпустил, Алеша? – спросила она.

Он рад, что его усы увидали, только радости показать не хочет, смотрит вверх и отвечает:

– Да так...

– Ты, право, милее без усов, Алеша, сбрей их! Необходимости ведь нету, ты не военный. Сбрей!

– Да как же мне без усов, тетенька? Я вот на охоту с ружьем хожу, верхом езжу...

– Ну, ну, как хочешь, дружок, не огорчайся. Все это, чай, для какой-нибудь барышни себя украшаешь; барышни любят все новое и необыкновенное.

– Да, право, тетенька, я как-то нечаянно отпустил усы...

– Рассказывай! – смеется Анна Федоровна. – Я вон вижу новое колечко. Нет, ты рукой-то не верти, вон на безымянном пальце, третье снизу – это у тебя новое! Покажи-ка?

А у Алексея Петровича было колечек несметное множество; сколько дома у него хранилось, в шкатулке, – все двадцать два ящика полнехоньки, – на руках сколько носил! И всякие были у него колечки: и незабудочки, и змейки, и витком, и цепочкой, и сердечком, и якорем, и замочком... Барышня себе кричит: покажи, покажи колечко! Он не показывает, бежит от нее, она за ним. И пойдет беготня, поднимется шум, бегают и шумят, пока проголодаются.

Только вдруг Алексей Петрович словно пропал, очень долго не был. Посылала Анна Федоровна узнать, здоров ли, – его дома не застали. Потом приехал, похудел, побледнел; на руке ни одного колечка, И варенья никакого не хочет, и с барышней нашей скучает. Спрашивали, спрашивали, что это с ним, ничего не сказал и опять надолго пропал. Опять посылает Анна Федоровна о здоровье узнать, и опять его дома нет. Журбовские люди проводили от саковских людей, что Алексей Петрович почти что дома и не живет, а все в Н-ском уезде. И кучер рассказывал, что гостят они у одной богатой помещицы; та помещица вдова, дородная и смиренная барыня; что дом там каменный, есть карета и дрожки, лошади хорошие, только кучер очень стар; что там ключница презлая; что там молодая барышня красавица, и гуляет эта барышня вечерами по аллее с Алексеем Петровичем, а старая барыня с балкона за ними наблюдает; чуть слишком заговорятся – она их и кликнет на балкон. Помещица эта прозывалась Турченкова.

– Дай бог Алеше! – говорила Анна Федоровна. – Мы с тобой, Варенька, на свадьбе погуляем.

– Когда б свадьба поскорей, бабушка! – отвечает барышня.

– Бог даст,ждемся!

И дождались. Приехал Алексей Петрович веселый, золотое кольцо на руке, – обручен. Побыл недолго, ничего толком не рассказал и уехал. «Дела, дела!» – говорит. А какие там дела? Рассказывали, просто катался – поедет в одну сторону, проедет верст пять, – в другую; то лес объедет, то в поле или в степь. От радости не сиделось ему на одном месте.

Ну, женится – и женится, хорошо. Анна Федоровна послала его невесте образок в серебряной позолоченной ризе, невеста ей написала родственное письмо, и невестина мать тоже. После троицына дня была свадьба назначена.

Все окружные барыни и барышни собирались попить у молодых; все Алексея Петровича поздравляли и на весь век ему счастья желали, все было весело и мирно; замечали, что даже все это время ни бурь, ни гроз не было. Только смутило раз Алексея Петровича вот что: отдал он назад колечко одной барышне, а барышня ему вместо всякого ответа прислала пулю. Да, свинцовую пулю, настоящую.

– Как это принимать мне, тетенька? – спрашивал он у Анны Федоровны.

– Да никак. Брось эту пулю, чего ты с ней носишься!

– Я, право, не знаю, что все это значит...

– Да ничего, – блажь, да и только.

И правду, видно, блажь была; после эта барышня тоже была у молодых, и веселилась у них, и ужинала.

В это самое время приехал к Анне Федоровне из Н-ского уезда знакомый, да с первых слов и говорит ей:

– Ну, матушка Анна Федоровна, теперь мы с вами потягемся. Смотрите, вы свою славу не потеряйте: едет к вам не молодая хозяйка, а восьмое чудо в свете.

Анна Федоровна спрашивает, а гость рассказывает:

– Эта молодая барыня так бабы печет, что с ней никто в мире не может сравниться. И особенно печет она одну ананасную бабу – точный ананас.

– Дух ананасовый, я знаю, – сказала Анна Федоровна.

– Какое! Ананас сам, своей особой! Если зажмурите глаза да в рот вам положить и спросить, что это? Вы скажете – ананас.

– Ну, это вы городите! – сказала Анна Федоровна.

– Вот сами увидите, вспомните мои слова. А то еще печет она *тюлевую бабу* – ну, матушка! Не мне, дураку, это рассказывать! Увидите сами лучше.

Гость остался у Анны Федоровны обедать, за обедом шутил, смеялся, хвалил обед и спрашивал не раз Анну Федоровну, о чем она задумывается.

– Я вот удивляюсь вам, как это вы-то никогда ни о чем не думаете, батюшка? – отвечала ему Анна Федоровна.

– Оттого не думаю, Анна Федоровна, что мысли ни к чему не приведут, а только состарят, будь им пусто! Теперь с кем ни увижусь, все мне говорят: «Вы опять помолодели», – а если бы я мыслями занимался...

– Надо о душе своей подумать всякому, – перебила Анна Федоровна немножко запальчиво.

«Видно, крепко она огорчилась тюлевой бабою», – подумал он.

Гость уехал, а Анна Федоровна осталась в задумчивости и тревоге. В этот день она ошиблась ключами, ни слова не вымолвила об Алексее Петровиче, ни об его невесте, ни о свадьбе и внучку свою приласкала как-то рассеянно.

А между тем Алексей Петрович уехал венчаться; через неделю его ждали с молодой женою в Саковку.

Прошла неделя. Анна Федоровна все была задумчива; то она говорила: «Как это время бежит быстро!» – то говорила, что время тянется долго.

Приехали молодые в Саковку, Анна Федоровна услышала это и побледнела. Она строго выговорила внучке за ее радость и прыганье при этой вести. Анна Федоровна была в тот день наряжена, как в большой праздник, но была бледна и встревожена; она не сидела, а все ходила по комнатам, останавливала внучку за малейшую резвость и заставляла ее смирно сидеть. Так прошло утро. Наконец молодые приехали. Вошел Алексей Петрович и ввел молодую жену, – ах, что это была за красавица! Свежая, румяная, статная, глаза карие, большие, светятся, как свечи, и такие живые, быстрые, и такие веселые! Зеленое шелковое платье так и шумит; в ушах золотые серьги, и так славно вьются темные волосы на белых височках! Вовсе была не застенчива, а разговорчива и приветлива. Сейчас заговорила с Анной Федоровной, приласкала Вареньку.

А Анна Федоровна была сама не своя. Где ее всегдашняя обходительность? Где ее участливость? Хотя она говорила молодой ласковые слова, но во взгляде у нее была только тревога, в лице печаль, голос неровный.

Молодые у нее обедали. За обедом все беспокоило Анну Федоровну, все ей казалось или не доварено, или пережарено; она говорила очень мало, потчевала грустно. На что Варенька ветреница, а и та заметила, что бабушка сама не своя. Алексей Петрович не заметил – он в сторону не глядел, а глядел только в женины глаза.

Когда молодые возвращались домой, молодая и говорит:

– Мне твоя тетушка понравилась, Алеша; только что она такая печальная?

– Нет, она веселая.

– Где же веселая, Алеша? Точно с похорон воротилась сейчас! И все по сторонам оглядывается, будто пожара ждет.

– Это тебе так показалось, Глаша.

– Вот еще, показалось! Разве я маленькая?

– А может, сегодня с ней что-нибудь случилось. Да бог с нею!

Они заговорили о другом.

Через день после этого Анна Федоровна с Варенькой поехала к молодым. Варенька была радехонька, вертелась в коляске и тараторила, как заведенная. Анна Федоровна молчала и глядела все в одну сторону, на мелькающие поля.

Молодые встретили их на крыльце, и так весело и радостно встретили! Просили обедать – Анна Федоровна согласилась.

Дома молодая была еще милее: резвая, игривая, как котенок, ласковая, живая. Она и по саду побегала с Варенькой, и пела, и Анну Федоровну обняла, и на органе играла. Алексей Петрович не мог на нее наглядеться; чуть она отходила, он ее кликал и беспрестанно целовал у нее руки.

– Полно, Алеша! Какой ты скучный! – говорила молодая.

– А уговор, Глаша? – напоминал Алексей Петрович. – У нас уговор, тетенька, – говорил он Анне Федоровне, – такой уговор, что если я в час не успею поцеловать у ней ручек сто раз, так в следующий час имею право целовать их хоть тысячу раз.

Анна Федоровна слушала, а ни слова в ответ, ни улыбки, даже не взглянула ни разу, – глаза в землю у ней опущены. Ни о чем она не расспросила молодых, ничего у них не похвалила, а у них было очень хорошо. Дом большой, светлый, отделан и убран заново, все как с иголочки; под окнами у них цвели розаны, белая акация, сирень... И день этот выдался чудесный – ясный, жаркий. Дом стоял на горе; по горе сад старый, густой; под горою река гремела по камням.

Да ничто, ничто не веселило Анну Федоровну. Заметил даже Алексей Петрович и спросил у ней:

– Что с вами, тетенька?

Анна Федоровна печально ему улыбнулась и ответила:

– Поживи-ка с мое, Алеша, узнаешь!

– Так отчего ж вы невеселы? Отчего невеселы? – пристал к ней Алексей Петрович.

– Где ж мне на старости лет так веселиться, как вам, молодым. Когда-то веселилась и я, теперь вы мое место заступаете, а мне уж умирать пора!

Такого мрачного ответа молодые не ожидали: они на время умолкли; потом опять пробовали тетеньку развеселить, да никак не удалось им, и они перестали хлопотать.

Сели обедать. Анне Федоровне в каждом кушанье слышался ананасовый дух; все ей казалось приготовлено как-то особенно. Но не хотела она спрашивать, да не выдержала, спросила:

– Что, у вас теперь новый повар?

– Нет, прежний, – отвечал Алексей Петрович. – А что, обед лучше, чем бывало? Это вот кто хозяйничает.

Он на жену показал.

– Я слышала, что вы, Глафира Ивановна, большая хозяйка, – сказала Анна Федоровна.

– Ах, какая хозяйка! – вскрикнул Алексей Петрович. – Она и вам даже не уступит, тетенька.

Глафира Ивановна смеялась.

– Она такие пирожки сочиняет, такие подливки, что ум за разум заходит... Расскажи-ка, Глаша, какие ты вчера пирожки сочинила?

– Вот еще! Есть что рассказывать!

– Расскажи, Глаша! Расскажи тетеньке!

Анне Федоровне точно холодная иголочка входила в сердце.

– Да зачем же? – промолвила она. – Не принуждай к этому Глафиру Ивановну.

– Тетенька, – сказала Глафира Ивановна, – зачем вы меня Ивановной зовете? Он – Алеша (она кивнула на мужа), так я – Глаша.

Анна Федоровна вдохнула, поглядела сперва в левую, а потом в правую сторону, а потом опять опустила глаза в землю.

– Вы меня Глашей зовите, тетенька, – просила ее Глафира Ивановна.

– Нет, Глафира Ивановна, это невозможно.

– Да отчего же, тетенька?

– Да так, Глафира Ивановна.

– Пожалуйста, тетенька! Алеша, проси. Что ты все только глядишь! Лучше попроси тетеньку.

– Тетенька! Зовите Глашу Глашей, – стал просить Алексей Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.